

Рудольф Штайнер

Нервозность и силы Я

Практическая выработка мышления

№ 1002

Библиотека
Международного
общественного объединения
"Антропософское
общество
в России"

**1998
Казань**

Нервозность и силы Я. ПСС т.143.
Практическая выработка мышления. ПСС т.108.

На правах рукописи.

Компьютерная верстка Можгинского В.Л.

«Нервозность и силы Я» перевод Веселова П.В.
«Практическая выработка мышления» перевод

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Нервозность и силы Я. Мюнхен, 11 января 1922 г.	5
Практическая выработка мышления. Карлсруэ, 18 января 1909 г.	29

5

НЕРВОЗНОСТЬ И СИЛЫ Я Мюнхен, 11 января 1922 г.

Сегодня будут даны некоторые импульсы в связи со многим, что мы уже знаем, но что для некоторых из нас может оказаться полезным и может также дать нам более точные представления о существе человека и его связях с миром. Антропософу непременно придется иметь дело со множеством упреков и возражений со стороны несведущих в адрес духовной науки, о которой мы говорили здесь в открытых докладах.* Так, например, со стороны ученых и дилетантов постоянно выдвигаются возражения против такого деления человеческого существа на четыре члена, которое мы постоянно приводим в смысле духовной науки: на физическое тело, эфирное или жизненное тело, тело астральное и Я. И, пожалуй, скептики на это могут возразить: да, вероятно, это так и представляется тем, кто развил определенные скрытые силы души и может видеть нечто подобное такому составу человека; но для тех, которые не видят ничего такого, для них все же нет никаких оснований обращаться к этим воззрениям. - Но тем не менее следует подчеркнуть, что жизнь людей, если на нее обращают внимание, не только в определенной степени дает подтверждение того, что может сказать духовопознание, но если применять то, чему из этого духовопознания можно научиться, тогда такое применение

* Имеются в виду два доклада в Мюнхене: доклад «Как опровергнуть Теософию?» от 8 января 1912 и доклад «Как обосновать Теософию?» 10 января 1912. От этих двух докладов остались неполные записи, поэтому они не включены в собрание сочинений. Соответствующие параллельные доклады в Берлине воспроизведены в «Результатах духовного исследования», ПСС №62, Дорнах.

может оказаться для жизни чрезвычайно полезным. И конечно выяснится, что эта польза - сейчас я имею в виду не пользу в низшем смысле, но ту пользу, которая является пользой для жизни в лучшем смысле этого слова - может постепенно дать нам некоего рода доказательства, даже если мы не желаем соглашаться с тем, что предлагается ясновидческим созерцанием.

Слишком уж хорошо известно, что в наше время многие жалуются на то, что выражено вызывающим значительные опасения словом нервность; и совсем не следует удивляться, если иногда нам приходится слышать такое высказывание: в наше время в сущности нет больше ни одного человека, который в той или иной степени не страдал бы от нервности. - И разве нам не следует прислушаться к этому?! Совершенно не принимая во внимание социальных условий и отношений, к которым можно было бы отнести те или иные причины этой нервности, мы можем констатировать: такие состояния, которые могут быть обозначены подобным образом, существуют. В жизни они выражаются в самых различнейших формах; они выражаются, пожалуй, в наименее легкой форме, можно было бы сказать в наименее неудобной форме, в том, что человек становится, образно выражаясь, душевным непоседой (юлой). К таким людям я мог бы отнести тех, которые не в состоянии удержать и проследить реальным образом в ее последовательности обычную мысль; которые постоянно перескакивают с одной мысли на другую, а если и захотят удержать ее, то оказывается - давно уже перескочили на другую. Некая поспешность душевной жизни часто является легчайшей формой нервности.

Другой вид нервности выражается в том, что человек сам по себе часто не знает за что приняться,

что он, так сказать, в определенных ситуациях, в которых он должен принять решение, не может этого сделать, но, в сущности, так толком и не знает, как ему следует поступать в том или ином случае.

Но затем и это состояние переходит в другие, уже внушающие опасения формы; эта нервность постепенно принимает все более и более собственно болезненные формы, для которых, по-видимому, невозможно найти никаких органических причин. При таких болезненных формах, которые иногда иллюзорно подражают органическим заболеваниям, можно подумать: человек страдает от тяжелого желудочного заболевания, в то время как он страдает от того, что, будучи довольно тривиальным и незначительным, как раз и обобщается словом нервность. Многочисленные и другие ее состояния: кто их не знает, кто не страдает от них, имея их сам или встречаясь с ними у других в своем окружении и так далее.

Совсем не нужно слишком далеко отступать от темы, - я не буду сейчас касаться других областей - чтобы в отношении значительных явлений общественной жизни сказать о «политическом алкоголизме»; ведь говорится же в последнее время о том нервном образе действий в общественной жизни как о некоем роде поведения, которое в иных случаях наблюдается у людей под воздействием незначительной дозы алкоголя. Это выражение относится к тому, каким образом занимаются политическими делами в Европе в последние месяцы. То есть, и в общественной жизни вы видите нечто такое, о чем можно сказать, даже здесь мы замечаем не только наличие нервности, но и воспринимаем эту нервность в определенном отношении как нечто довольно неприятное. Следовательно, повсюду наблюдается нечто подобное

этой нервнойности.

При теперешних обстоятельствах то, о чем было сказано в общих чертах, в ближайшем будущем вне всякого сомнения не улучшится, но будет становится все хуже и хуже. Если люди останутся такими, каковы они сейчас, то ничего хорошего в будущем ожидать не придется. Потому что существуют различные неблагоприятные воздействия, которые совсем необычным образом оказывают влияние на современную жизнь и которые, если так можно выразиться, эпидемически переносятся от одного человека к другому, так что в этом смысле немногочисленны не только тот, который этим поражен, но и другой, который прежде был здоровым, может быть лишь незначительно, но инфицирован.

Необычайный вред в наше время вызывается тем, что большое число людей, которые играют значительную роль в общественной жизни, обучаются так, как обучаются теперь. Есть целые отрасли знаний, которым обучаются в университетах таким образом, что в течение всего года занимаются всем чем угодно, но только не основательным изучением и продумыванием того, что дается профессорами на лекциях, на которых время от времени появляются, но то, что следует усвоить, усваивают за пару недель, то есть зазубривают. Такая зубрежка является злом. А так как в определенном отношении зубрежка проникла и в общеобразовательные школы, то происходящее от нее зло не вызывает никаких сомнений. Отличительная черта этой зубрежки - отсутствие подлинной связи душевного интереса, внутреннего сущностного ядра с тем, что таким образом зазубривается. Довольно часто даже в школах среди учеников преобладает такое настроение: ах, скорее бы опять забыть то, что я усвоил! - То есть, здесь нет

сильного волнения обладать тем, что усвоено. Связь интереса, соединяющая человеческое душевное ядро с тем, что он воспринял, незначительна.

В результате этого то, что люди усваивают подобным образом, вносится в общественную жизнь, так как они зазубривают, хочется сказать заучивают, вещи, которые они хотят усвоить. Но поскольку они внутренне не связаны с этим, то душевно находятся очень далеко от того, чем занята их голова. А для целостного существа человека едва ли есть нечто худшее, если душевно своим сердцем находятся очень далеко от того, чем должна заниматься голова. Это оказывает пагубное воздействие не только на тонких и восприимчивых людей, но и в значительной степени оказывает влияние на силы и энергии эфирного тела, именно эфирного тела. Из-за незначительной связи между душевным ядром человека и тем, чем он занимается, эфирное тело при таких занятиях постоянно слабеет. Чем больше человек вынужден заниматься тем, что его не интересует, тем больше слабеет его эфирное или жизненное тело.

На тех людей, которые здоровым образом усваивают антропософию, - а не только заучивают: человек состоит из физического тела, астрального тела и так далее - антропософия должна действовать так, что эти отдельные члены человеческой природы получают в человеке импульс к сильному и энергичному развитию.

Если человек делает очень простые упражнения, но делает их регулярно и с усердием, то эти мелочи могут буквально творить чудеса. Извините, что я сегодня говорю о единичных фактах, о мелочах, которые, тем не менее, могут оказать и окажут значительное воздействие на жизнь людей. А точнее, это относится к тому, что я только что охарактеризовал, как легкой забывчивости, которая иногда наблюдается у людей. Легкая

забывчивость, она является в жизни чем-то неудобным; но антропософия может нам показать, что она, эта забывчивость, очень неблагоприятно действует на здоровье. И как бы удивительно это не звучало, но истиной является то, что можно было бы избежать начала многих, очень болезненных нарушений человеческой природы, если бы человек был менее забывчив. Можно сказать: Вы, люди, з а б ы в ч и в ы; ибо кто может, - это совершенно ясно тем, кто наблюдает жизнь - кто может утверждать, что он полностью лишен этого свойства? - А теперь возьмем довольно незначительный случай: человек обнаружил у себя забывчивость, он постоянно забывает куда положил вещь, которая ему нужна. Не правда ли, это довольно часто случается в жизни. Один не находит своего карандаша, другой своих записок, которые он вечером отложил, и так далее. Разговор о таких вещах покажется странным и банальным, но они тем не менее происходят в жизни. И среди прочего, о чем мы можем узнать из антропософии, есть очень простое упражнение, которое поможет постепенно избавиться именно от такой забывчивости, которую мы только что охарактеризовали; и это средство очень простое: допустим, что некая дама положила вечером, если угодно, брошь или некий господин положил куда-нибудь свои записки, а на следующее утро оказывается, что их невозможно найти. Конечно вы можете сказать: да, следует приучить себя класть эти предметы всегда на одно и то же место. - Но этот способ самоизлечения невозможно применять во всех случаях; и в данный момент мы собираемся говорить не о нем, а более действенном методе. А именно, возьмем человека, который обнаружил у себя забывчивость, он мог бы сказать себе: сейчас я буду класть предметы на самые

различные места, но эти предметы, которые я затем должен легко найти, я буду оставлять на определенных местах не иначе как образуя при этом следующие мысли: я положил этот предмет на это место! - А затем попытаться запомнить совсем небольшой образ окружения предмета. Допустим, мы кладем булавку на край стола, на угол; мы кладем ее с мыслью: я кладу эту булавку на этот край стола и запечатлеваю в виде образа правильный угол, который образуется вокруг булавки двумя кромками стола и так далее... а затем спокойно предоставляю делу идти своим чередом. Если даже это не всегда удастся, но, тем не менее, если я возьму это за правило, то вскоре увижу, что моя забывчивость постепенно уменьшается. - То есть, суть дела заключается в том, что формулируется вполне определенная мысль: я кладу эту булавку именно туда-то, привожу мое Я в связь с тем, что я совершаю, и кроме того присоединяю к этому некий образ. Образное представление в мышлении того, что я делаю сам, эта образность, образное представление и кроме того то, что я этот факт привожу в связь с моим внутренним ядром, эта взаимосвязь духовно-душевного сущностного ядра, как оно высказывается мной словом Я, с образностью, приводит к тому, что мы, становясь менее забывчивыми, извлекаем подобным способом пользу для жизни. Но, возможно, совсем не нужно было бы уделять этому особое внимание, если бы мы могли добиться только этого. Но благодаря этому может быть достигнуто гораздо большее.

Допустим, у людей вошло бы в привычку, откладывая определенные предметы, заботиться о создании подобных мыслей, тогда просто в силу этой привычки было бы вызвано усиление человеческого эфирного тела. Эфирное тело человека именно

благодаря тому, что нечто делается подобным образом, все более и более консолидируется, становится все более и более сильным. Из антропософии мы знаем, что жизненное или эфирное тело в определенной степени считается у нас носителем памяти. Если мы совершаем нечто для усиления памяти, то мы сразу же можем понять, что такое укрепление памяти идет на пользу эфирному или жизненному телу. И как антропософам нам не следует этому удивляться. Но, допустим, вы однажды даёте совет, не только потому, что человек забывчив, но и потому, что у него наблюдаются определенные признаки нервозности - вы советуете ему то, о чем сейчас было сказано. Вы советуете беспокойному или нервному человеку, что он должен, оставляя предметы, образовывать себе при этом подобные мысли; вскоре вы увидите, что этот человек стал не только менее забывчив, но и благодаря усилению эфирного тела постепенно избавился от некоторых так называемых нервных состояний. В этом случае вы на примере из жизни предоставите доказательства, что эти вещи, которые мы говорим об эфирном теле, являются правильными. Так как, если мы относимся к эфирному телу соответствующим образом, тогда оно проявляет себя тем, что воспринимает эти силы; следовательно, верным является то, что мы о нем говорим. Жизнь в таких случаях показывает, что это является чрезвычайно важным.

Еще одна вещь может показаться незначительной, но тем не менее она чрезвычайно важна! Мы знаем, что в человеческом существе непосредственно друг с другом граничат то, что мы можем назвать эфирным и физическим телами. Эфирное тело включено непосредственно в физическое. И вы можете в наше время наблюдать не столь уж редкое явление, причины

которого людям, у которых оно наблюдается, большей частью неизвестны. Наблюдая это явление и имея в груди отзывчивое и сострадательное сердце, мы будем испытывать сочувствие к тем людям, у которых оно наблюдается. Кому из нас не приходилось видеть людей, сидящих, скажем, у окошечка кассы, или людей, которым приходится много писать и которые, прежде чем приступить к написанию буквы В, делают весьма своеобразный жест: сначала совершают в воздухе некоторые движения и только потом начинают писать! Однако до этого дело может совсем не дойти; но уже то, что люди в силу своей профессии вынуждены много писать, является залогом болезненных состояний, которые могут выразиться в том, что люди, - обратите как-нибудь на это внимание - когда пишут, должны каждый штрих предварять определенными рывками; они пишут фактически рывками, не равномерными движениями вверх и вниз, но судорожными рывками. Вы можете видеть это по бумагам, которые написаны таким образом.

Из духовнонаучного познания мы можем понять подобные состояния следующим образом: у вполне здоровых людей, здоровых в отношении физического тела и эфирного, именно эфирное тело, которое управляется астральным, должно всегда обладать абсолютной способностью входить в тело физическое, а физическое тело должно повсюду, во всех своих движениях, быть слугой тела эфирного. Если физическое тело совершает самостоятельные движения, которые выходят за пределы того, что собственно может желать душа, то есть, может желать тело астральное, тогда это является нездоровым состоянием, преобладанием физического тела над эфирным телом. И у всех, кому свойственны охарактеризованные состояния, мы опять

имеем дело со слабостью эфирного тела, которая проявляется в том, что оно больше не в состоянии управлять телом физическим. Эта связь эфирного тела с физическим лежит оккультно в основе всех эпилептических припадков, которые в основном обусловлены тем, что эфирное тело обладает гораздо меньшей властью над физическим телом, чем оно должно обладать; поэтому физическое доминирует и на свой страх и риск совершает всевозможные движения, в то время как человек в отношении полноты своего существа здоров лишь тогда, когда все, что он совершает, подчинено воле астрального тела.

И снова имеется возможность, если это состояние не зашло слишком далеко, помочь этим людям; необходимо лишь считаться с оккультными фактами. Необходимо считаться с тем, что эфирное тело, как таковое, должно быть укреплено. Необходимо до определенной степени верить в существование и действенные силы эфирного тела. Допустим несчастный человек довел себя фактически до того, что его пальцы всегда охватывает дрожь, прежде чем он начнет писать ту или иную букву. Теперь в любом случае будет неплохо дать ему совет: возьми отпуск, меньше пиши, и подобные явления пройдут! - Но это лишь половина совета; так как можно сделать гораздо больше, если дать ему вторую половину, если добавить: и постарайся, не напрягаясь при этом, - для этого достаточно ежедневно от четверти до получаса - постарайся писать по-другому, постарайся изменить почерк; тогда ты будешь вынужден писать не механически, как прежде, но обращая на это внимание! - Мы скажем: если ты писал букву Е определенным образом, то теперь пиши ее более вертикально и в другой форме, уделяя этому внимание! Приучи себя рисовать буквы!

Если бы духовное познание было более распространено, то начальник учреждения, когда этот бедняга вернется из отпуска, не сказал бы: что за сумасшедший - совсем изменил почерк! Тогда бы поняли, что это является существенным целительным средством. Человек, меняя свой почерк, вынужден обращать внимание на то, что он делает; а обращение внимания на то, что делают, всегда означает установление тесной связи своего внутреннего сущностного ядра с этим действием. С другой стороны, все, что связывает наше внутреннее сущностное ядро с тем, что мы делаем, укрепляет наше эфирное или жизненное тело. И мы благодаря этому становимся более здоровыми. И было бы совсем не так уж и глупо, если бы при воспитании, и в школе уже с раннего возраста строго систематически работали над определенным укреплением эфирного тела. И в этом отношении антропософия уже сегодня может внести некоторые предложения, которые еще долго не будут востребованы, ибо антропософия еще долго компетентными посредниками, которые руководят воспитанием, будет приниматься за нечто безумное; но тут уж ничего не поделаешь. Допустим, когда дети учатся писать, мы сначала обучим их определенному положению букв (почерку), а затем, спустя два-три года, проследим, чтобы они просто, безо всякого повода, изменили свой почерк: такое изменение почерка и усиленное внимание, которое необходимо при этом изменении характера почерка, оказало бы необычайно укрепляющее воздействие на развивающееся эфирное тело, и тогда у людей не возникло бы многих нервных состояний.

Таким образом вы видите, что в жизни что-то можно сделать для значительного укрепления своего

эфирного или жизненного тела, а это чрезвычайно важно; ибо именно слабостью эфирного или жизненного тела вызваны многочисленные по-настоящему нездоровые отношения нашего времени. Нисколько не преувеличивая, можно даже сказать, что при более сильном эфирном теле определенные формы болезней, причины которых кроются в таких вещах, против которых вначале невозможно ничего сделать, протекали бы совсем иначе, чем они протекают при ослабленном эфирном теле; эта слабость эфирного тела - отличительный признак современных людей. Тем самым мы уже указали на то, что можно назвать работой над эфирным телом. Мы применили к эфирному телу определенные вещи. К тому, что можно отрицать, чего, якобы, нет, все это применить невозможно. Показав, что определенные вещи в применении к эфирному телу полезны, можно доказать, что эти вещи действуют, доказать, что существует нечто подобное эфирному телу. И жизнь повсюду предоставляет доказательства тому, что может сказать антропософия.

Наше эфирное тело может быть укреплено в еще более значительной степени, если мы для усиления нашей памяти сделаем еще нечто другое. Вполне возможно об этом уже говорилось по другому поводу. Но при всех болезненных формах, в которых участвует нервность, следует так же обращаться к советам, которые можно брать из этой области. Можно необычайно много сделать для укрепления эфирного или жизненного тела, если вещи, которые известны, просматривать в мыслях не так, как это делается обычно, но в обратной последовательности. Например, уже в школе необходимо изучать ряд правлений, сражений и прочих исторических событий. Их изучают в соответствии с общепринятым летоисчислением. Но

будет необычайно полезно - изучать или преподавать их не только в той последовательности, которая является общепринятой, но и усваивать эти вещи в обратной последовательности, проходя все от конца к началу. Это чрезвычайно важные вещи! Ибо если мы в полной мере делаем нечто подобное, мы опять необычайно усиливаем наше эфирное тело. Вся драма в обратной последовательности, прочитанный рассказ и тому подобное, продуманное от конца к началу - все это в высшей степени важно для консолидации эфирного тела.

Таким образом вы видите: из всего, что сейчас было названо, в современной жизни ничего не делается, совсем ничего не применяется; в ежедневной суете современной жизни имеется не так уж много возможностей обрести внутренний покой, который позволит нам выполнять такие упражнения. Обычно человек, если он занят работой, к вечеру настолько измучен, что не в состоянии создавать те мысли, о которых мы сейчас говорили; но если духовная наука по-настоящему проникнет в сердце и душу человека, тогда увидят, что бесконечно многое из того, что сегодня происходит, можно по сути дела сберечь и что то время, в течение которого могут делаться такие упражнения, уже является для человека приобретением, скоро заметят, особенно если проявляют заботу об этом в области воспитания, что это даст необычайно благоприятные результаты.

Стоит упомянуть еще одну мелочь, которая не так уж и полезна в зрелом возрасте, но если в юности человек не практиковал ее, то неплохо будет, если он займется этим в позднем возрасте. Она состоит в том, чтобы определенные вещи, которые мы совершаем, независимо от того, оставили они след, как при письме, или нет, созерцать одновременно. Тем, кто пишет, это

удается сравнительно легче. Я даже убежден в том, что многие отвыкли бы от ужасного почерка, если бы пытались написанное ими рассматривать буква за буквой, пытались еще раз пробежать глазами то, что ими написало. К тому же это довольно легко выполняется. Но в качестве упражнения хорошо также и нечто другое. Оно заключается в том, что человек пытается смотреть на себя, на свой образ действий: как он идет, как двигает руками, своей головой, как смеется и так далее - словом, если он пытается дать себе образный отчет о своих жестах и мимике. Ибо совсем немногие люди - жизненные наблюдения могут предоставить нам достаточные доказательства этого - знают, как они ходят. Очень немногие люди имеют представление о том, как они выглядят со стороны, когда идут. И хорошо делать нечто такое, чтобы составить себе об этом представление. Не принимая во внимание того, что мы, безусловно, многое в себе корректируем, если мы применяем подобные вещи на практике, то это опять - только не следует этим увлекаться, иначе это приведет к усилению нашего тщеславия - оказывает необычайно благоприятное воздействие не только на укрепление эфирного или жизненного тела, но и на господство астрального тела над эфирным. И в результате того, что человек наблюдает свое поведение, что он созерцает свои действия, что он создает представления о своих поступках, - господство его астрального тела над эфирным будет все более и более возрастать, то есть: человек будет в состоянии при необходимости сразу же заглушить какое-либо чувство, человек будет в состоянии все более и более сдерживать вполне произвольно определенные вещи, которые коренятся в его привычках, и совершать совсем другие. Но вещи, которые совершают, сумеет сразу же при известных

условиях сделать по-другому - эта способность принадлежит к величайшим достижениям человека. Конечно при этом проходят не только, скажем, школу изменения почерка; так как сегодня люди часто изменяют свой почерк, если хотят использовать это ненадлежащим образом, но если относится к этому честно, то изменение почерка окажет благоприятное воздействие на укрепление эфирного тела. И желательно выработать способность, делая те или иные вещи, суметь сделать их совсем по-другому, не попадая в зависимость от необходимости делать их только одним способом. При этом не следует сразу же становится фанатическим приверженцем равного использования правой и левой рук; но если все же в разумных пределах пытаются научиться выполнять левой рукой по меньшей мере определенные действия, - только не надо этим слишком увлекаться, достаточно добиться некоторых результатов - то это окажет благоприятное воздействие на то господство, которое должно осуществлять астральное тело над эфирным.

Укрепление человека в том смысле, который может быть дан духовно-научным пониманием, относится к тому, что тоже должно быть внесено в нашу культуру распространением духовной науки.

И главным образом это имеет значение для того, что можно назвать культурой воли. Было уже сказано, что нервность часто выражается в том, что люди нашего времени часто толком так и не знают, как им добиться желаемого, как осуществить то, что они действительно желают или собственно должны делать. Они пугаются осуществления своих намерений, они поступают неправильно и так далее. Эти явления, которые можно объяснить определенной слабостью воли, опять же происходят прежде всего от

недостаточного господства Я над астральным телом. Когда подобные явления слабости воли проявляются в том, что человек как бы нечто желает и тем не менее, с другой стороны, не желает этого, или по меньшей мере не решается выполнить по-настоящему то, что он желает, тогда в этом случае всегда имеет место недостаточное господство Я над астральным телом. Многие совсем не пытаются всерьез добиваться того, чего они желают. Имеется одно простое средство усиления воли для внешней жизни, и это средство заключается в следующем: нужно подавлять желания, которые несомненно существуют, не исполнять их, если неисполнение этих желаний не причиняет никакого вреда и представляется вполне возможным. Если наблюдают самих себя, то с утра до вечера находят бесчисленное количество вещей, которых желают, стремление к которым находят весьма привлекательным, но имеется множество желаний, от исполнения которых можно отказаться, не причиняя другим вреда и не пренебрегая своими обязанностями: желания, удовлетворение которых приносит определенное удовольствие, но которые могут остаться и неудовлетворенными. Если строго систематически стремиться отыскивать среди многочисленных желаний такие, о которых можно сказать: нет, это желание сейчас не следует выполнять, - только браться за эти вещи следует соответствующим образом, то есть: это должно быть чем-то таким, что, будучи выполнено, не причинит никакого вреда и не принесет ничего кроме удобства, радости и удовольствия - если такие желания систематически подавлять, тогда всякое подавление какого-либо рода желаний вызовет приток волевой энергии, усиление Я по отношению к астральному телу. И если мы даже в позднем возрасте будем практиковать

подобные упражнения, то сможем исправить многие недостатки, причиной которых часто является современное воспитание.

По сути дела именно в этой области, которая сейчас была охарактеризована, трудно действовать педагогически; так как следует иметь в виду, что если даже, скажем, как воспитатели мы можем удовлетворить какое-либо возникающее желание воспитуемого ребенка или подростка, но отклоняем его, то это повлечет за собой не отказ от желания, но вызовет некоего рода антипатию. А с педагогической точки зрения это может быть плохо; так что, пожалуй, могут сказать: да, представляется весьма сомнительным - вводить в педагогику принцип неисполнения желаний воспитанника. Здесь мы натываемся, образно выражаясь, на подводный камень. Если отец хочет воспитать ребенка, говоря ему: нет, Карл, тебе это вредно! - то он в основном может вызвать у ребенка по отношению к себе лишь антипатию; так что посредством неисполнения желаний будет достигнуто прямо противоположное нашим целям. Возникает вопрос: что же тогда делать? - Поскольку подобным образом мы ничего не добьемся!

Но для осуществления этого принципа есть очень простое средство: следует отказывать в исполнении желаний не ребенку, а самим себе, но отказывать так, чтобы ребенок заметил: как отказываются от того или иного. А так как в первые семь лет жизни, и даже позднее как склонность, господствует сильное стремление к подражанию, то мы увидим, что сделаем нечто необычайно важное, если в присутствии тех, кого мы должны воспитывать, довольно явно отказываем себе в том или ином, для того чтобы они подражали этому и нашли это как нечто достойное своих устремлений.

Таким образом мы видим, что наши мысли должны

лишь правильно вестись и направляться тем, чем может стать для нас духовная наука; тогда духовная наука будет не только теорией, но будет жизненной мудростью, будет действительно тем, что поддерживает и направляет нас в жизни.

Еще об одном очень важном средстве для укрепления господства нашего Я над астральным телом можно до некоторой степени узнать из двух открытых докладов, которые я прочитал здесь.* Своеобразие этих двух докладов заключается в следующем: в них было сказано, что в отношении одного вопроса можно всегда высказаться за и против. Если вы опять же будете наблюдать, как люди со своей душой поставлены в жизни, то увидите, что большинство из них, когда они что-то делают или обдумывают, на самом деле всегда придерживаются лишь одной из двух точек зрения, которые могут быть высказаны как за или против в отношении данного вопроса. Это обычное дело. Но в жизни нет ни одного вопроса, который можно было бы рассматривать с точки зрения только За или Против, ни одного. Для всего имеется как За, так и Против; и в отношении всех вопросов будет неплохо усвоить привычку принимать во внимание не только одно, но и другое, не только За или Против, но как За, так и Против. Таким же образом и в отношении вещей, которые мы делаем, будет неплохо представить себе, почему при определенных обстоятельствах их лучше не делать или вообще, если мы их предпочитаем совершить, уяснить себе, что имеются основания против этого. Тщеславие во многих отношениях высказывается против приведения встречных доводов, так как люди

* См. сноску на стр. 5.

слишком охотно предпочитают быть только хорошими людьми. И можно найти множество подтверждений того, что хорошим человеком является тот, который говорит: делай лишь то, против чего нечего возразить. А убеждение, что, в сущности, почти против всего, что делается в жизни можно выдвинуть множество возражений, является очень неудобным. Но это совсем не так, - я говорю об этом, поскольку для жизни это необычайно важно - совсем не так хорошо, как полагают. Правда от этих благих пожеланий мало пользы, польза от них будет лишь в том случае, если в отношении отдельных вещей, которые совершают, несмотря на то, что совершают их в силу требований жизни, действительно показывается и то, что может вести к их неисполнению. То, что достигается благодаря этому, вы можете провести перед душой следующим образом: вам конечно уже встречались люди, воля которых настолько слаба, что они в сущности предпочитают сами совсем ничего не решать, но предпочитают всегда, чтобы за них решали другие, а они лишь исполняли то, что следует делать. Они, как бы избегая ответственности, предпочитают спрашивать, что им надо делать, а не находить самим основания для того или иного действия. Я привел этот случай не для того, чтобы в данный момент представить его значительным, но для того чтобы достигнуть нечего иного.

Возьмем такого человека, который охотно спрашивает других - но это можно понять и так, что в отношении сказанного мной может быть выдвинуто множество Против, но не меньше и За, поскольку в жизни почти любое высказывание в определенной степени может быть опровергнуто - возьмем такого человека, который охотно обращается за советом к

другим. Он обращается к двум людям, которые дают ему совет по одному и тому же делу. Один говорит: да! - Другой говорит: не делай этого! - В жизни мы видим, что один советчик одерживает решительную победу над другим. Одерживает победу тот, кто оказывает более сильное волевое воздействие. Что за явление мы имеем перед собой в данном случае? Это очень значительное явление, но выглядят оно довольно обыденно. Если я обращаюсь за советом к двум людям, один из которых говорит: Да - другой: Нет, и я следую сказавшему да, то его волевая сила действует во мне дальше, его волевая энергия проявляется так, что усиливает меня в моем действии. Его волевая сила одержала во мне победу над другим человеком, то есть: во мне победила сила первого человека. Представим другое: я не обращаюсь за советом к двум людям, один из которых говорит да, другой - нет, но совершенно самостоятельно, отыскивая в своей душе основания сам, привожу Да или Нет. Если, не обращаясь к другим, я сам себе привожу основания за Да или Нет, а затем, сказав Да, следуя этому, то тогда тоже разворачивается сила, но теперь уже во мне самом. То, что раньше совершал во мне другой, теперь я сам имею как образованную в моей душе силу. Поэтому, когда ставят себя перед внутренним выбором, позволяют силе одержать победу над слабостью. И это очень важно, поскольку опять совершенно необычным образом возрастает господство Я над астральным телом. Это не следует воспринимать как некоего рода неудобство, но в каждом отдельном случае, где только возможно, желательно по-настоящему серьезно взвешивать За и Против, и тогда увидят, что очень много сделают для усиления своей воли, если будут пытаться выполнить это так, как только что было охарактеризовано.

Но эти вещи имеют в себе и теневую сторону, а именно: вместо усиления воли может наступить ее ослабление, если после того как мы нашли в себе основания за или против, по сути дела, не действовали под влиянием той или иной силы, но по нерадению совсем ничего не совершили, не следовали ни тому, ни другому. Тогда кажется, что мы следовали Нет, но в действительности пошли на поводу у нерадивости. Из этого следует, что поступят правильно, если даже и в этом случае примут во внимание духовную науку и будут приступать к подобной постановке перед собой За или Против не тогда, когда устали, не тогда, когда более или менее утомлены, но тогда, когда чувствуют себя сильными, когда знают: ты не утомлен, ты по-настоящему можешь следовать тому, что поставил перед своей душой как За и Против. Следовательно, позволяя действовать на свою душу таким вещам в соответствующее время, опять обращают внимание на самих себя.

Далее, в очень значительной степени будет усилено господство нашего Я над астральным телом, если мы устраним из нашей души все, что в определенном отношении создает противоположность между нами и остальным миром, между нами и нашим окружением. Разумеется, к индивидуальным обязательствам антропософа, которые он налагает на себя, не относится запрет на оправданную критику. Если критика объективна, то естественно было бы слабостью выдавать - так сказать из чисто духовнонаучных оснований - плохое за хорошее. Но этого совсем не требуется. Просто нужно научиться различать между тем, что порицается ради него самого, и тем, что находят мелочным и неудобным из-за его влияния на собственную личность. И чем больше могут приучить

себя выносить независимое суждение в основном об образе действий наших ближних, в которых они нам себя являют, чем больше это могут, тем лучше будет для нашего Я в смысле его господства над астральным телом. Будет даже хорошо - возложить на себя, как говорится, обет самоотречения. Не для того, чтобы бить себя кулаком в грудь и говорить: я очень хороший человек, я не критикую своих ближних, - но для того чтобы сделать себя сильнее, нужно взять себе за правило не считать плохими вещи, которые считают плохими только потому, что они не нравятся нам самим, но именно в области человеческих суждений применять негативное суждение лучше всего там, где не принимают в расчет себя. Тогда увидят: то, что легко принимается в качестве теоретических основ, чрезвычайно трудно осуществляется в жизни. Будет хорошо, например, если человек, которого некто оклеветал, сдержит чувство антипатии против оклеветавшего его человека. Речь идет не о том, чтобы идти и пересказывать другим то, что сказал оклеветавший его, но о том, чтобы сдерживать по отношению к оклеветавшему чувство антипатии. То, что мы можем изо дня в день подмечать у человека, как он согласует свои собственные поступки, - все это мы можем очень хорошо использовать для суждения о нем самом. Если кто-то один раз говорит так, а другой раз иначе, тогда нам нужно сравнить лишь то, что есть в нём самом; и тогда мы будем иметь совсем другие основания к суждению о нем, чем когда мы основываемся на его отношении к нам. И это очень важно: позволять вещам как таковым говорить за самих себя, и понимать людей как таковых из их собственных поступков, не судить о них на основании отдельных поступков, но на основании того, как сог-

ласуются их действия. И тогда окажется, что даже у тех, которых считают отъявленными мошенниками и о которых говорят: они делают только то, что подтверждает их дурную репутацию - даже у таких очень скоро найдут многое, что не согласуется с тем, противоречит тому, что они совершают. И совсем не нужно обращать внимание на отношение к нам самим, а нужно отвлекаться от самих себя, для того чтобы поставить перед душой доведение человека в его собственных поступках, если вообще необходимо вынести о нем суждение. Для усиления Я хорошо еще подумать о том, что большей частью, девятью десятыми, суждений, которые мы выносим во всех случаях, можно пренебречь. Если мы одну десятую часть суждений, которые выносим о мире, действительно переживем в своей душе, то этого будет довольно много для жизни. И жизни, да и нам самим, никоим образом не будет нанесен ущерб тем, что мы откажемся выносить остальные девять десятых суждений, которые мы очень часто выносим.

Я сегодня привел вам кажущиеся мелочи; но говорить время от времени о таких вещах - входит в нашу задачу. Так как именно посредством таких вещей может быть показано, как мелочь в своем воздействии вызывает большие последствия, как мы должны, так сказать, совсем с другого конца подступиться к жизни, если хотим действовать в ней энергично и исцеляюще, действовать совсем иначе, чем обычно. Все же не всегда правильно, когда говорят: если кто-то заболел, пошлем его в аптеку, там он найдет все, что ему нужно. Правильней будет устроить всю жизнь так, чтобы люди меньше подвергались болезням, чтобы болезни действовали не так угнетающе. Они будут действовать менее угнетающе, если благодаря таким

незначительным вещам человек укрепит влияние Я на астральное тело, астрального - на эфирное тело, а эфирного тела - на физическое. Самовоспитание и воздействие на воспитание являются именно тем, что может следовать из нашего основного антропософского убеждения.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЫРАБОТКА МЫШЛЕНИЯ

Карлсруэ, 18 января 1909 г.

Могло бы показаться странным, что именно Антропософия чувствует себя призванной говорить о практической выработке мышления, ибо извне очень часто высказывается мнение, что антропософия есть нечто в высшей степени непрактичное, что она не имеет ничего общего с жизнью. Такое мнение возможно только при поверхностном рассмотрении подобных вещей. В действительности же то, что имеется здесь в виду, должно стать путеводной нитью для самой повседневной жизни; должно превратиться в ощущение и чувство и сделать для нас возможным уверенно противопоставить себя жизни и твердо стоять в ней.

Люди, называющие себя практичными, внушают себе, что действуют на основании самых практичных принципов. Но если глубже вникнуть в дело, то обнаружится, что так называемое "практическое мышление" часто вообще есть не мышление, а укоренение в принятых суждениях и привычках мышления. Если вы абсолютно объективно подвергнете испытанию мышление практиков, то, что обычно называют мыслительной практикой, вы найдёте, что за этим порой скрывается очень мало действительной практики, а то, что называют практикой, заключается в том, что научаются, как мыслил наставник, как мыслил тот, который когда-то сфабриковал то или иное, и как с этим сообразоваться. И того, кто думает по иному, считают непрактичным человеком, ибо ведь его мышление не совпадает с тем, что ему было однажды привито.

Если же действительно когда-нибудь было найдено нечто практическое, то это прежде всего делалось не нормальным практиком. Рассмотрим, например, нашу современную почтовую марку. Естественнее всего было бы подумать, что она была изобретена практиком почтового дела. Но это не так. В начале последнего столетия было ещё очень сложным делом отдать письмо на почту. Если кто-нибудь хотел послать письмо, он должен был пойти в соответствующее место, где сдавались письма, и здесь нужно было наводить справки в различных книгах, а с этим были связаны различные неудобства. Такой единый почтовый тариф, к которому привыкли в настоящее время, существует едва шестьдесят с лишним лет. И наша современная почтовая марка, давшая эту возможность, была изобретена не практическим почтовым чиновником, а человеком, далеко стоящим от почты - англичанином Гиллем.

И когда была изобретена почтовая марка, министр, стоявший тогда во главе почты, сказал в английском парламенте: "Во-первых, трудно поверить, что благодаря этому упрощению действительно так чрезвычайно увеличится почтовое сообщение, как это рисует себе непрактичный Гилль, а во-вторых, даже если предположить, что оно и будет так, то для такого обмена почтовое здание в Лондоне оказалось бы слишком мало". Но этому Большому практику совершенно не приходило в голову, что здание почты должно соотносываться с количеством корреспонденции, а не корреспонденция со зданием почты. И сравнительно в самый короткий срок в жизнь вошло то, что "не практик" должен был тогда отстаивать перед "практиком": в наше время само

собой разумеется, что письмо отправляется с помощью почтовой марки.

Подобным же образом обстоит дело с железной дорогой. Когда в 1835 году должна была быть построена в Германии первая железная дорога из Нюрнберга в Фюрт, запрошенная об этом медицинская коллегия высказала своё компетентное мнение, что неблагоприятно строить железную дорогу, если же всё-таки намерены это делать, то, по крайней мере, следовало бы справа от железной дороги поставить высокий забор, дабы уберечь прохожих от сотрясения нервов и мозга.

Когда должна была быть построена железная дорога Потсдам - Берлин, генерал-почтмейстер Наглер сказал: "Я отправляю ежедневно две почтовые кареты в Потсдам, и они не полны; если люди непременно хотят бросать деньги в окно, то пусть они это делают непосредственно."

Различные факты жизни опережают "практиков", тех, кто считает себя практиком. Необходимо отличать то, что является подлинным мышлением от так называемой практики мышления, которая есть лишь суждение сообразно с привитыми привычками мышления.

Я хочу рассказать вам маленький случай, некогда происшедший со мной, и поставить его во главу нашей сегодняшней беседы. В мои студенческие годы пришёл ко мне молодой коллега, исполненный той радости, какую можно встретить у людей, в чью голову пришла блестящая идея, и сказал: "Я должен сейчас идти к профессору Ралингеру (который преподавал тогда в высшей школе машиностроительство), потому что я сделал грандиозное открытие. Я нашёл, как, употребив

однажды совсем небольшое количество энергии пара, пустив её с помощью машины в оборот, можно производить огромную работу". Большие он ничего не мог сказать - он очень спешил к профессору. Но, не застав упомянутого профессора дома, он вернулся и рассказал мне, в чём дело. Мне показалось это чем-то вроде вечного двигателя, но почему бы в конце концов этому не осуществиться, не правда ли? Однако после того как он мне всё объяснил, я должен был ему сказать: "Послушай, хотя всё придумано остроумно, но на практике совершенно похоже на то, как кто-нибудь садится в вагон железной дороги, начинает из всей силы толкать и думает, что вагон благодаря этому поедет. Таков принцип мышления в твоём изобретении. Тогда он тоже с этим согласился и к профессору больше не пошёл.

Таким образом можно до известной степени изолироваться со своим мышлением. Это изолирование отчётливо заметно в особо редких случаях; однако в жизни многие люди изолируют себя, и это не всегда проявляется так очевидно, как на нашем примере, но тот, кто может наблюдать несколько интимнее, знает, что таким образом протекает большое количество человеческих мыслительных процессов. Он видит часто, как люди, так сказать, стоят в вагоне и толкают его, полагая, что это они двигают вагон. Многие из того, что протекает в жизни, протекало бы совершенно иначе, если бы люди не были стоящими внутри вагона толкачами.

Действительная практика мышления предполагает развитие правильного взгляда, правильного чувства к мышлению. Каким же образом можно развить правильную позицию по отношению к мышлению? Никто не может иметь верного чувства к

мышлению, кто думает, что мышление есть нечто протекающее только внутри человека, в его голове или в его душе. Кто так думает, тот будет постоянно отвлекаем неверным чувством от поисков правильности практики мышления, от предъявления к своему мышлению необходимых требований. Кто хочет достичь верного чувства к мышлению, должен сказать себе, если я могу образовывать себе мысли о вещах, если посредством мыслей я могу что-то узнавать о вещах, то мысли сначала должны быть в самих вещах. Вещи должны быть построены сообразно мыслям, - только тогда я могу извлечь мысли из вещей.

Человек должен представить себе, что с вещами в мире дело обстоит также, как с часами. Сравнение человеческого организма с часами употребляется очень часто, но по большей части люди забывают при этом главное, что существует также и часовщик. Нужно уяснить себе, что колёсики сошлись не сами, не сами сложились, и не сами заставляют часы идти, но что сначала был часовщик, который собрал эти часы. Часовщика-то и не следует забывать. Часы явились благодаря мыслям, мысли как бы пролились в часы, в вещь. Также следует представлять себе процессы природы. В том, что является делом человека, это показать легко. В делах же природы человек не может так легко заметить, а между тем, и они являются духовными действительностями, и за ними стоят духовные существа. И когда человек мыслит о вещах, то он мыслит только о том, что было в них сначала заложено. Вера в то, что мир создан мышлением и ещё продолжает непрерывно таким образом создаваться, прежде всего делает плодотворной внутреннюю практику мышления.

Именно неверие духовному в мире на научной почве создаёт самую большую непрактичность мышления. Так, например, если кто-нибудь говорит: наша планетная система создавалась таким образом, что в начале существовал первичный туман, он начал вращаться, сжался в центральное тело, от него отделились кольца и шары и, таким образом, механически возникла вся планетарная система, - тот, кто говорит так, делает большую ошибку в мышлении. В настоящее время это показывают в каждой школе весьма милым опытом: в стакан воды помещают каплю жира, пропускают сквозь неё иглу и приводят всё это во вращение. Тогда от большой капли отделяются маленькие капельки и получается планетарная система в миниатюре - и думают, что наглядно показали ученику, как это может образоваться чисто механически. Только непрактическое мышление может связывать с этим милым опытом такой вывод, ибо тот, кто переносит это на великую мировую систему, забывает нечто, что иногда бывает весьма полезно забывать - самого себя, он забывает, что ведь это он сам привёл во вращение иглу. Не будь его и не сделай он всего этого, никогда не произошло бы деления капли жира на капельки. Если бы человек это также наблюдал и перенёс бы на планетную систему, он только тогда применил бы полное мышление. Такие ошибки мышления играют сегодня огромную роль и особенно в том, что сейчас называют наукой. Эти вещи гораздо важнее, чем обыкновенно думают.

Если хотят говорить о настоящей практике мышления, необходимо знать, что мысли можно почерпнуть только из такого мира, в котором они уже действительно существуют. Подобно тому как воду

можно зачерпнуть из такого стакана, в котором вода уже действительно есть, так и мысли можно почерпнуть из вещей, в которых они заключены. Мир построен сообразно мыслям, только поэтому можно почерпнуть из него мысли. Не будь этого, не могла бы создаться никакая практика мышления. Но если человек ощутит до конца здесь высказанное, его легко можно будет вывести из абстрактного мышления. Если человек имеет полное доверие к тому, что за вещами стоят мысли, что реальные факты жизни протекают сообразно мыслям, тогда, если он имеет это ощущение, он легко обратится к практике мышления, построенной на действительности, на реальности. Мы хотим привести нечто из той практики мышления, которая особенно важна для стоящих на почве антропософии. Кто проникнут тем, что мир фактов протекает в мыслях, тот поймёт важность выработки правильного мышления. Предположим, что кто-нибудь говорит себе: "Я хочу так оплодотворить моё мышление, чтобы оно действительно всегда ориентировалось в жизни" - тогда ему следует придерживаться того, что теперь должно быть сказанным. И то, что будет дано, следует понимать так, что это действительно практические принципы и что это будет иметь известное действие, если стремиться всё снова и снова к тому, чтобы согласовывать с этим своё мышление. И что это мышление тогда становится практическим, хотя вначале таковым и не выглядит. И более того, когда проводят такие принципы, мышление приобретает совершенно иной опыт.

Предположим, что некто пробует делать следующее: сегодня он наблюдает в мире доступное ему событие, которое он может наблюдать по

возможности точно, скажем, например, погоду. Он наблюдает вечернее расположение облаков, как зашло солнце и так далее, и затем создаёт точный образ того, что он наблюдал. Он пытается в течение некоторого времени удержать это представление, этот образ, во всех подробностях; он как можно дольше удерживает это представление и старается сохранить его до следующего дня. На следующий день, приблизительно в то же время, или в другое, он опять наблюдает условия погоды и опять старается создать себе точную картину.

Когда он таким способом образует себе точные картины следующих одно за другим состояний, то ему становится в высшей степени ясно, как он постепенно внутренне обогащает своё мышление и делает его интенсивным, ибо то, что человек обыкновенно слишком склонен в следующих друг за другом событиях в мире исключать подробности и удерживать только совершенно общие расплывчатые представления, - это и делает мышление неверным. Ценным, сущностным, оплодотворяющим мышление является как раз способность формировать себе точные картины следующих друг за другом событий и затем говорить себе: вчера дело обстояло так, а сегодня так, - и при этом обе картины, являющиеся в действительном мире отдельными друг от друга, возможно более образно провести перед душой.

Это ни что иное, как особенное выражение доверия мыслям реальности. Человек не должен спешить с выводами и заключать из того, что он наблюдал сегодня, какая погода будет завтра. Это исказило бы его мышление. Он должен, скорее, доверять тому, что во вне, в реальности вещи связаны между собой, что завтрашнее так или иначе связано с

сегодняшним. Он не должен рассуждать отвлечённо по этому поводу, но сначала продумать в самом себе в возможно более точных картинах, представлениях то, что во времени следует одно за другим, и затем поставить эти картины, и дать им перейти одной в другую. Это совершенно определённый принцип мышления, который необходимо проводить, если действительно хотят развить мышление, соответствующее сущности дела. Хорошо проводить этот принцип особенно по отношению к таким вещам, которых ещё не понимают, в которых ещё не проникли во внутреннюю связь. Поэтому именно в таких явлениях, в которых ещё ничего не понимают, как, например, в погоде, следует довериться тому, что они, будучи связаны вовне, вызывают связь также и в нас; и это должно происходить только в образах при воздержании от рассуждения, нужно сказать себе: я ещё не знаю этой связи, но я дам этим вещам возникнуть во мне, и они произведут во мне нечто, и именно в том случае, если я буду воздерживаться от отвлечённого рассуждения. Вы легко поверите, что когда человек при воздержании от мышления составляет себе возможно более точные представления о следующих друг за другом явлениях, то в невидимых членах человека сможет нечто произойти.

Человек имеет астральное тело как носителя жизни представлений. До тех пор, пока человек рассуждает, его астральное тело является рабом его Я. Но оно не исчерпывается этой сознательной деятельностью, ибо оно стоит также в известном отношении ко всему Космосу.

В той же мере, в какой мы не даём действовать произволу нашего мышления, воздерживаясь от него, и составляем себе только образные представления

следующих друг за другом событий, - в той же мере без нашего сознания об этом действует в нас и напечатлеваются в нашем астральном теле внутренние мысли мира. Поскольку мы включаем себя в ход мира через наблюдение процессов в мире и воспринимаем в наши мысли образы возможно более чистыми и даём им действовать в нас, поскольку мы становимся умнее в тех членах, которые находятся вне нашего сознания. Если мы когда-нибудь сумеем при таких внутренних связанных между собой картинах дать одному образу перейти в другой подобно тому, как этот переход совершился в природе, мы после некоторого времени увидим, что наше мышление приобрело как бы известную гибкость.

Так должны мы поступать с вещами, которых мы ещё не понимаем, по отношению же к вещам, которые мы понимаем, мы должны держаться несколько иначе, например, по отношению к процессам нашей повседневной жизни, разыгрывающейся вокруг нас. Например, кто-нибудь, может быть ваш сосед, сделал то или другое. Мы размышляем над тем, зачем он это сделал. Мы думаем, что он сделал это сегодня, может быть, как подготовку к чему-то, что он хочет сделать завтра. Затем мы больше ничего не говорим, а точно представляем себе, что он сделал, и пытаемся нарисовать себе картину того, что он сделает завтра. Мы представляем себе, что завтра он сделает то-то и то-то и выжидаем, что он действительно сделает. Может случиться, что мы завтра заметим, как он действительно делает именно нарисованное нами себе. Может также случиться, что он сделает нечто другое. Мы увидим, что произойдёт, и постараемся, в зависимости от этого, исправить наши мысли.

Таким образом, мы в настоящем отыскиваем события, за которыми мысленно следуем в будущее и выжидаем, что произойдёт. Это мы можем проделывать с поступками людей и с другими вещами. Там, где мы что-нибудь понимаем, мы пытаемся создать себе картину того, что, по нашему мнению, произойдёт. Если ожидаемое наступит, то наше мышление было правильным, и это хорошо. Если же произойдёт что-нибудь иное, чем ожидавшееся нами, мы пытаемся поразмыслить над нашей ошибкой и исправить таким образом наши неверные мысли спокойным наблюдением и исследованием, в чём заключается ошибка, в чём причина того, что произошло именно так. Если мы достигли верного, то мы особенно тщательно должны остерегаться того, чтобы носиться со своим пророчеством: "Да, я уже вчера знал, что такое случится!".

Это опять был принцип, вытекающий из доверия к тому, что в самих вещах и событиях лежит внутренняя необходимость, что в самих фактах лежит нечто, что движет вещи вперёд. И то, что там внутри работает от сегодня к завтра, это силы мысли. Углубляясь в эти вещи, мы осознаём эти силы мысли. Такими упражнениями мы вызываем в нашем сознании эти силы мысли, и, если исполняется то, что мы предвидели, мы совпадаем с ними, тогда мы стоим во внутренней связи с реальной, мыслительной деятельностью вещи. Таким образом, мы приучаемся мыслить не произвольно, а из внутренней необходимости, природы вещей.

Но и в другом направлении можем мы дисциплинировать нашу практику мышления. Какое-нибудь событие, происходящее сегодня, имеет некое отношение к тому, что произошло вчера, например,

какой-нибудь ребёнок был сегодня непослушен, каковы могут быть причины этого? Мы прослеживаем события обратно с сегодня на вчера, конструируя причины, которых мы не знаем, мы говорим себе: "Я думаю, так, как это случилось сегодня, это было тем или иным подготовлено вчера или позавчера". Затем выясняют себе, что произошло в действительности, и, таким образом, правильно ли мыслили. Если нашли правильную причину, то это хорошо, если же составили себе неверное представление, то пусть попытаются уяснить себе ошибку и найти, как развивался процесс мыслительно и как он протекал в действительности.

Важно провести этот принцип, чтобы мы действительно нашли время так рассматривать вещи, как если бы мы с нашим мышлением были внутри вещей, погружаясь в вещи, во внутреннюю мыслительную деятельность вещей. Если мы будем это делать, то постепенно заметим, как мы буквально срастаемся с вещами, что мы больше уже не имеем чувства, что вещи вовне, а мы внутри и размышляем о них, но получаем такое чувство, как если бы наше мышление двигалось внутри вещей. Когда человек достиг этого в высокой степени, ему многое может стать ясным.

Таким человеком, в высокой степени достигшим того, чего таким образом можно достигнуть, таким мыслителем, который своими мыслями всегда пребывал внутри вещей, был Гёте. Психолог Гайнрот в 1822г. в своём "Учебнике по антропологии" сказал, что мышление Гёте было предметным. Сам же Гёте был бы рад такому определению. Оно должно было указывать на то, что такое мышление не отделяется от вещей, оно остаётся внутри вещей, движется в

пределах необходимости вещей. Мышление Гёте было одновременно созерцанием, его созерцание - одновременно мышлением.

Гёте достиг многого в области такого развитого мышления. Так случилось не раз. Гёте собирался что-нибудь сделать, подходил к окну и говорил тому, кто был с ним: "Через три часа будет дождь" - так оно и бывало. По маленькому клочку неба, который он видел в окно, он мог сказать, что произойдёт в ближайшие часы в смысле условий погоды. Его верное пребывающее в вещах мышление давало ему возможность чувствовать, что из предыдущего подготовлялось, как позднейшее событие.

В действительности практическим мышлением можно достичь гораздо большего, чем обычно думают. Когда владеют теми принципами мышления, которые были только что описаны, то замечают, что мышление стало действительно практическим, что взор расширяется и что совершенно иначе охватывают вещи мира, чем без этого. Постепенно человек ставит себя в совершенно иное положение к вещам, а также и к людям. Это - действительный процесс, который происходит в нём, который меняет его поведение. Это может иметь огромное значение, если человек действительно попытается через своё мышление срастись таким образом с вещами, ибо делать такие упражнения является в высшей степени практическим принципом мышления.

Другим является упражнение, которое в особенности должны были бы делать те люди, которые обыкновенно в нужный момент не могут найтись, которым в нужный момент не приходит на ум то, что нужно. То, что такие люди должны были бы делать, заключается в том, чтобы в каждое мгновение

отдаваться тому, что приносит с собой мировое течение, что приносят с собой вещи. Чаще всего бывает так, что человек, имея свободные полчаса, чтобы лечь отдохнуть, отпускает свои мысли на волю. И тогда они разрастаются в сотни и тысячи раз. Или, может быть, его займёт та или иная забота в жизни - вмиг вползла она в его сознание и - он совершенно захвачен ею. Если человек делает это - он никогда не достигнет того, чтобы в нужный момент ему пришла в голову нужная мысль. Если он хочет достичь этого, он должен держать себя следующим образом: если у него есть свободные полчаса для отдыха, он должен себе сказать: я хочу, как только у меня появляется время, думать о чём-то таком, что я сам себе выберу, что я произвольно вношу в моё сознание. Сейчас, например, я хочу думать о чём-либо таком, что я, может быть, пережил раньше, может быть, во время прогулки два года тому назад, я хочу совершенно произвольно ввести в моё мышление переживание и хочу думать об этом, хотя бы только пять минут. Я сам выберу себе то, о чём я хочу думать. Выбор даже не должен быть так труден, как я только что сказал. Дело вовсе не в том, чтобы путём трудных упражнений действовать на процесс своего мышления, а в том, чтобы вырваться из того, во что бываешь вовлечён жизнью. Это должно быть только нечто такое, что выходит из того, во что бываешь вплетён обыкновенно в течение дня. И если страдают отсутствием находчивости, если ничего не приходит в голову, можно помочь себе, раскрыв книгу и думая о том, что прочтёшь с первого взгляда. Или же говорят себе, сегодня я подумал о том, что я видел, когда в определённое время утром вышел на работу и что я иначе оставил бы без внимания. Это должно

быть нечто такое, что выходит из обыкновенного хода дня, о чём в другое время и не подумали бы.

Если систематически, всё снова и снова делать такие упражнения, то происходит так, что получаешь нужные мысли, что в нужный момент приходит на ум то, что должно придти. Благодаря этому мышление приобретает подвижность, а это необычайно важно в практической жизни.

Другое упражнение особенно хорошо для воздействия на память. Сначала пробуют в общих чертах, как обыкновенно вспоминают о вещах, вспоминать о каком-либо событии, происшедшем, скажем, вчера. Обыкновенно, воспоминания людей бесцветны, обычно довольны уже тем, что вспоминают хотя бы имя человека, которого встретили вчера. Но мы этим не можем довольствоваться, если хотим развить нашу память. Это мы должны себе уяснить. Мы систематически должны проводить следующее, мы должны сказать себе: "Я хочу совершенно точно вспомнить человека, которого я видел вчера. На каком углу я его видел и то, что было вокруг него. Я хочу совершенно точно нарисовать себе картину, а также я хочу образно представить себе его сюртук, его жилет." Тогда большая часть людей заметит, что этого они совершенно не умеют, что для них это совершенно невозможно. Они увидят, как многого им недостаёт для того, чтобы получить действительное образное представление встреченного и пережитого вчера.

Мы должны, прежде всего, исходить из самих частных случаев, при которых человек не в состоянии вырваться в воспоминании то, что он пережил вчера. Человеческое наблюдение действительно в высшей степени неточно. Опыт одного университетского

профессора со своими слушателями показал, что из тридцати слушателей только двое верно наблюдали происшедшее. Двадцать восемь же наоборот. Хорошая же память - дитя точного наблюдения. Итак, при развитии памяти вопрос именно в том, чтобы точно наблюдать. Хорошую же память развивают в себе путём точного наблюдения. Хорошая память рождается из хорошего наблюдения, на известном душевном окольном пути.

Но что делать, если не могут вначале точно вспомнить того, что пережили вчера? Сначала пусть попытаются вспомнить, возможно точно, какой-нибудь случай или происшествие, а там, где не помнят, пусть попытаются представить себе что-то фактически неверное, только пусть это будет нечто цельное. Предположим, вы совершенно забыли, носил ли коричневый или чёрный сюртук тот, кого вы встретили, тогда вы, может быть, представите себе, что на нём был коричневый сюртук и коричневые брюки, на его жилете были такие-то и такие-то пуговицы, галстук был жёлтый и было такое-то положение - стена была жёлтая, слева проходил человек большого, справа маленького роста и так далее.

То, о чём помнят - включают в эту картину, а то, чего не помнят - дополняют, лишь бы получить в духе полную картину. Картина сначала, конечно неверная, но тем, что вы стараетесь получить полную картину, вы получаете побуждение к тому, чтобы с этого времени точнее наблюдать. И вы продолжаете такие упражнения. И если вы проделаете это пятьдесят раз, то на пятьдесят первый вы будете совершенно точно знать, как выглядел тот, кого вы встретили и что на нём было, вы всё в точности запомните и для вас

запечатлется каждая мелочь, вплоть до жилетных пуговиц. Таким образом, вы сначала при помощи упражнений уточнили вашу способность наблюдения, а затем достигли улучшения вашей памяти как плода способности наблюдения.

Особенно тщательно надо следить за тем, чтобы удержать в памяти не голые имена и отдельные черты того, что хотели вспомнить, но постараться получить возможно более образные представления, простирающиеся на все подробности, и если чего-нибудь не могут вспомнить, стараются дополнить картину, создать из неё нечто цельное. Тогда мы вскоре увидим, как окольной дорогой является это, наша память становится верной.

Так мы видим, что можно дать определённый приём, благодаря которому человек может делать своё мышление всё более и более практическим. Особенно важно следующее: когда человек что-нибудь соображает, у него является известное стремление достигнуть решения. Он соображает, как ему сделать то или иное, и приходит к тому или иному решению. Это совершенно понятное побуждение. Но это не то, что ведёт человека к практическому мышлению. Всякая торопливость в мышлении ведёт не вперёд, а назад. Нужно иметь терпение в этих вещах.

Ты, например, должен выполнить то или иное - ты можешь это сделать так или иначе, имеются различные возможности. Имей терпение и попытайся представить себе, что произойдёт, если это исполнить одним образом, и попытайся представить себе, как бы это выглядело в ином случае. Всегда будут основания, почему предпочитается то или иное, и тогда пусть воздержится от того, чтобы тотчас же принять решение, но постараются нарисовать себе две

возможности и затем сказать себе: "Так, теперь довольно, теперь я перестану думать об этом".

Встретятся люди, которые при этом будут становиться робкими, тогда трудно преодолеть эту робость, но чрезвычайно важно преодолеть её и сказать себе: "Можно поступить так и так, ну, а теперь я некоторое время не буду думать об этом". Если можно - пусть отложат поступок до следующего дня и снова представят себе две возможности и найдут, что вещи тем временем изменились. И на следующий день мы решаем иначе, по крайней мере сознательнее, чем мы решили бы накануне. Вещи заключают в себе внутреннюю необходимость, и, если мы не действуем нетерпеливо и произвольно, а даём работать в нас этой внутренней необходимости - а она будет в нас работать - то на следующий день наше мышление явится обогащённым и сделает нам возможным более правильное решение. Это необычайно полезно.

Например, спрашивают вашего совета относительно того или другого - вы должны что-нибудь решить. Должно именно не раздражаться тут же своими решениями, но сначала представить себе различные возможности и самому не принимать никакого решения по этому поводу, а терпеливо и спокойно предоставить действовать самим возможностям. Говорят же в народе, что нужно "обоспать" дело, прежде чем решить его. Но одного обоспания недостаточно. Необходимо обдумать две или лучше несколько возможностей, которые затем продолжают работать в человеке, если, как сказано, не участвуешь в этом своим сознательным Я, и позднее снова вернуться к этому делу. Увидят, что таким образом оживляют внутренние силы своего

мышления, и мышление становится благодаря этому всё более соответствующим делу, более практическим.

И кем бы человек ни являлся в этом мире, стоит ли он за верстаком или за плугом, или же он принадлежит к одному из так называемых квалифицированных, профессиональных классов, если он будет делать эти упражнения, он сделается практическим мыслителем о самых повседневных вещах. Упражняясь таким образом, он схватывает и видит вещи совершенно иначе. И какими бы внутренними не казались сначала эти упражнения, они пригодны как раз для внешнего мира, они наиболее важны именно для внешнего мира, они имеют важные последствия.

Я хочу показать вам на примере, как необходимо действительно практически мыслить о вещах. Кто-нибудь влез по лестнице на дерево и что-то там сделал, он падает, разбивается и умирает. Конечно, первая мысль, что он убится при падении. Скажем, что падение было причиной, а смерть была следствием. Здесь кажется, что причина и следствие связаны друг с другом. В этом может оказаться великая путаница. Может быть, с ним наверху случился разрыв сердца, так что он упал вследствие разрыва сердца. Наступило совершенно то же самое, как если бы он упал живым, он проделал совершенно то же самое, что могло бы действительно явиться причиной его смерти. Таким образом можно совершенно смешать причину со следствием. В этом примере это бросается в глаза, но часто допущенная ошибка не так очевидна. Такие ошибки мышления происходят необычайно часто, следует сказать даже, что в настоящее время в науке ежедневно выносятся такие суждения, где действительно таким образом смешивают причину и

следствие. Только люди этого не понимают, потому что не представляют себе иной возможности мышления.

Можно привести ещё один пример, который может сделать для нас совершенно наглядным, как создаются такие ошибки мышления, и покажет вам, что у человека, делающего приведённые сегодня упражнения, такие ошибки уже не могут произойти. Возьмите следующее: учёный говорит себе, что человек, каким он является в настоящее время - происходит от обезьяны; итак, те способности, которые я наблюдаю в обезьяне, совершенствуются, и затем из этого получается человек. Чтобы теперь представить себе мыслительное значение этого, сделаем следующее предположение: представим себе, что человек, которому предстоит сделать подобное заключение, благодаря каким-либо обстоятельствам оказался совершенно один на Земле. Кроме него были только те обезьяны, о которых его теория говорит, что от них могут произойти люди. Он тщательно изучает эту обезьяну, составляет себе детальное понятие о том, что в ней заключается. Теперь пусть он попытается из понятия обезьяны дать возникнуть понятию о человеке, если он ещё не видел человека. Он увидит, что никогда к этому не придёт, его понятие "обезьяны" никогда не превратится в понятие "человека".

Будь у него правильные привычки мышления, он должен был бы сказать себе: "Итак, моё понятие не претворяется во мне так, чтобы из понятия обезьяны получилось понятие человека, таким образом, то, что я вижу в обезьяне, не может превратиться в человека, иначе моё понятие также должно было бы превратиться в человека". Итак, сюда входит ещё нечто такое, чего я не могу видеть. Этот человек,

нелегко. Стараться убедить доводами того, кто знает мало, часто является тщетным трудом, так как он вовсе не принимает доводов, на основании которых утверждается то или иное. Если он, скажем, приучился видеть только одну материю, то он держится именно этой привычки мышления.

В общем, в настоящее время не доводы ведут человека к утверждениям, но за доводами стоят привычки мышления, которые он себе усвоил и которые оказывают влияние на всё его чувство и ощущение. Когда он приводит довод, то перед его чувством и ощущением становится только маска и привычка мышления. Таким образом, мысли часто порождаются не только желанием, но и всеми чувствами и привычками мышления. Кто разбирается в жизни знает, как мало можно в ней убедить кого-нибудь логическими доводами. Решает нечто гораздо более глубокое в душе, чем логические доводы.

Так, например, существует наше антропософское движение, и то, что оно работает в своих группах имеет свои хорошие основания. Каждый замечает, что, проработав некоторое время в этом движении, он усвоил себе другое мышление, чувство и ощущение, ибо, работая в группах, занимаются не только отысканием логических доводов для чего-либо, но приобретают более всеобъемлющее чувство и ощущение.

Как насмехался несколько лет тому назад один человек, впервые слышавший духовнонаучную лекцию - а сегодня для него стали прозрачными многие вещи, которые он ещё незадолго до того считал, быть может, абсурдными. Работая в антропософском движении, мы не только претворяем наши мысли, но мы учимся вводить душу в более

таким образом, должен был бы за чувственной обезьяной увидеть нечто сверхчувственное, чего он не может воспринять и что только и могло бы перейти к человеку.

Не будем вдаваться в возможность такого положения вещей, но укажем только на ошибку мышления, лежащую за этой теорией. Если бы человек мыслил правильно, он был бы приведён к тому, что он не должен так мыслить, если он не хочет предположить нечто сверхчувственное. Если вы думаете о положении вещей, то увидите, что целым рядом людей здесь сделаны грандиозные ошибки мышления. Таких ошибок не будет делать тот, кто указанным образом воспитывает своё мышление.

Для того, кто действительно умеет правильно мыслить, большая часть всей современной литературы, в особенности естественнонаучной, благодаря таким неверным искажённым мыслям, становится источником страданий, доходящих до физической боли, когда ему приходится в неё вчитываться. Этим абсолютно ничего не должно быть сказано против огромного количества наблюдений, приобретённых этим естественнонаучным и его объективными методами.

Теперь мы приходим к главе, связанной с близорукостью мышления. Это действительно так, что человек обыкновенно не знает, что его мышление не слишком отвечает делу, но большей частью является следствием привычек мышления. Таким образом, у того кто разбирается в мире и жизни, суждения сложатся совершенно иначе, нежели у того, кто мало или совсем не разбирается в этом, например, мыслителя - материалиста. Убедить кого-нибудь доводами, как бы они ни были вески и хороши, -

далёкую перспективу. Мы должны уяснить себе, что окраска наших мыслей исходит из гораздо более глубоких подоснов, чем обыкновенно думают. Известные ощущения, известные чувства навязывают человеку мнения. Логические доводы часто являются только масками для чувств, ощущений и привычек мышления.

Привести себя к тому, чтобы логические доводы для нас что-нибудь значили, - для этого нужно научиться любить саму логику. И только когда научатся любить объективность, закономерность вещей, логические доводы становятся решающими. Постепенно научаются, так сказать, независимо от пристрастия к тем или иным мыслям, думать объективно, и тогда взгляд расширяется и становится практическим, но не таким практическим, когда можешь мыслить лишь проторёнными путями, но мыслить научаешься из самих вещей.

Действительный опыт есть дитя соответствующего мышления, мышления, вытекающего из вещей. Мы научаемся получать побуждения от вещей лишь тогда, когда мы делаем такие упражнения, и при том такие упражнения должны быть проделаны над здоровыми вещами. Это такие вещи, к которым наименее причастна человеческая культура, которые наименее извращены: объекты природы. И упражнения над объектами природы, как это было описано, делают нас практическими мыслителями. Это действительно практично. Самое повседневное занятие будет понято практически, если мы воспитаем главный элемент: мышление. Благодаря тому, что мы упражняем человеческую душу таким образом, как это было описано, формируется практическая ориентация

мышления. Плодом духовнонаучного движения должно быть то, что оно пошлёт в жизнь действительных практиков. Не так важно то, что человек может считать то или иное истинным, а важно то, что он достигает возможности правильно разбираться в вещах. Гораздо важнее то, каким образом Антропософия проникает в душу и руководит деятельностью нашей души, расширяя наш кругозор, чем то, чтобы мы теоретизировали от чувственных вещей к духовному. В этом Антропософия является чем-то действительно практическим.

Это важная миссия антропософского движения, чтобы человеческое мышление приобрело подвижность и научилось видению духа за вещами. Если антропософское движение разовьёт такие убеждения, то оно породит культуру, не замкнутую своим мышлением в стенах вагона. Они волеются в душу. И когда душа научится размышлять о великих явлениях жизни, научится она верно думать и о столовой ложке. И беря ложку, и забивая гвоздь, и вешая картину, будут осуществлять практичность мышления. И важно, чтобы мы учились видеть душевно-духовную жизнь как целое, и благодаря этому становились более и более практичными.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

